

Юрий Перебаев

Хранитель

...В наш Город Позолоченных листьев...

Хранитель. Рождение

Вспышки молний раз за разом отгоняли темноту над головой победителя Перуна. Июньская гроза, из тех, что заставляют истошно завывать машины под окнами и пугают детей в кроватях, накрывала Город. Редкие ночные прохожие, встревожено поглядывая на небо, спешили в укрытия. Лишь один продолжал путь, невзирая на буйство стихии.

Мужчина остановился под сенью Креста и отбросил капюшон.

— Здравствуй, Красно Солнышко, здравствуй, Неистовый, и ты будь здрава, Крестительница.

— *Приветствуем тебя, Хранитель — отозвался в голове рокочущий бас одного из Покровителей Города — ты просил о встрече. Мы пришли.*

— Мне необходимо уехать. Надолго — сдавленным голосом произнес человек. Стало ясно,

он далеко не молод. — Жизнь моего рода в опасности. Я жду вашего слова...

Тишина, густая как кисель, разлилась вокруг. Даже дождь зашелестел тише, и зарницы перестали освещать Горку.

— Мы не будем мешать тебе, Хранитель. Жизнь рода свята. Но ты должен найти преемника. Завтра в два часа пополудни твое время. Полчаса тебе дано. Не пропусти его. И... Спасибо тебе... за все. Спасибо...

Хранитель уходил, не чувствуя тяжелого взгляда, буравящего спину. Из-за мертвой березы выскользнуло нечто в плаще, с прикрытым лицом. Оно перевело ненавидящий взгляд вверх и крепко сжало ладонь, заставляя крысу на запястье оскалиться еще больше. Резкий порыв ветра, и только тень нетопыря мелькнула и растаяла в ночи.

Он отползал, пачкая модную «Левисовскую» джинсовку о мокрую траву, пытаясь вжаться в землю, сравняться с ней, стать ее частью. Последние остатки хмеля испарились из дурной рыжей головы, оставив лишь животный страх.

Ветер. Легкое дуновение. Касание.

Он не был плохим человеком. Обычный подольский гопник, молодой волчонок, ищущий свою стаю, пытающийся убить одиночество в пьяном угаре, разбавленном чужим унижением.

Хорошим он тоже не был.

Ветер. Легкое дуновение. Касание.

Он не понимал, что сейчас приближается к нему из темноты. Не понимал, почему не слушается натренированное в спортзале тело. Куда делись его кореша, с которыми всего десять (десять?) минут назад так резво лилась в глотку «Биленька».

Что-то холодное и высокое прижалось к спине, не давая отползти дальше, лишая последних минут на этой такой неудобной, но такой желанной земле.

— *Ой, не тиха речка журчит,* —
послышалось в шуме деревьев.

Спугнутый сдавленным хрипом, всполошено взмыл в ночное небо отъевшийся за день голубь. Где-то под Горой завывла сигнализация брошенной на ночь старенькой «Тойоты», хозяин которой как раз поднимал тост «За нас с вами».

— *Ой, не рыжа белка бежит,* — отозвалась
Ночь.

И наступила тишина.

Яркий солнечный зайчик пробежал по стене, обласкал изящный стан гитары, подмигнул деревянному мечу, скользнул по форзацам книг, осторожно отразился в лезвии охотничьего ножа, перепрыгнул на кинжалы, порезвился с кортиками, сполз на подушку и мягко коснулся подбородка

спящего человека. Вставай, мол, утро! Необходимость пробуждения тут же подтвердил музцентр. «Еще одно утро ложится зарубкою на приклад», — донеслось оттуда.

Виктор потянулся, широко зевнув, направился в ванную. Попытка умыться успехом не увенчалась. Оба крана весело вертелись на сорванной резьбе, словно продолжение смутного ночного марева, где мелькали какие-то невнятные, но откровенно недружелюбные тени.

Небольшое зеркало отразило подпухшую с недосыпу округлую мордаху, с которой смотрели черные, слегка раскосые глаза.

«Не, я, конечно, в душе сантехник, но не до такой же степени!»

С чего-то вспомнился недавний Новый год, тусовка фидошников и героическая борьба с забастовавшей сантехникой, завершившаяся победным распитием остатков шампанского над поверженной раковиной. Повторять ситуацию не хотелось.

«Вот, блин, придется на рынок тащиться».

Кое-как поплескавшись на кухне, парень, подмигнув замку Ричарда за окном, включил компьютер.

«Никитин! Ждем свежака с нетерпением! Шеф под тебя рубрику «городских историй» согласен выделить! Афтор пиши еще!» Улыбнувшись, Виктор закрыл письмо. С этим

журналом отношения складывались особо удачно. Он даже подумывал о штатной работе, но прелести вольного журналистского полета пока перевешивали. Никаких обзоров, уйма времени на поиск интересных фактов о любимом городе и его жителях (зачастую с криминальным уклоном — время такое!) А если возникало желание сорваться с места, Виконт (прозвище для своих) с огромным удовольствием переходил на написание путевых заметок.

Пора было приниматься за работу. Открыв Интернет, Виктор погрузился в изучение свежих городских происшествий. Практически сразу взгляд зацепился за кричащий заголовок: «Маньяк на Замковой! По трупу за ночь — рекорд передовика производства!»:

«Сегодня ночью в центре столицы, на Замковой горе, произошло очередное жестокое убийство. Как сообщил нам компетентный источник, это уже вторая смерть за две ночи на старом кладбище. В нашем городе объявился маньяк-«стахановец»? Следующей ночью ждем новую жертву? Правоохранительные органы, как обычно, безмолвствуют. Доколе?»

«Компетентный источник — хмыкнул Виконт — ага, щас», — и потянулся к телефону.

— Привет, старик, — бросил он в трубку, — пообедаем? К 13 в «Алконавте»? Добро.

Младшая сестра Крещатика сегодня была кокетливо лучистой. Игнорируя редких прохожих, нежилась в лучах утреннего солнца, будто позабыв о годах и серьезных зданиях, которые неодобрительно покряхтывали, глядя на поведение улицы. Никакой, мол, солидности! Тут о безопасности государства нужно думать! О науке — степенно добавляло другое. Но улице пресветлого князя — Владимирской — было наплевать на старых ворчунов. Я женщина! Какие мои годы!

Без минут полдень, обойдя Золотые ворота, парень завернул в скверик. Дружески кивнул навечно обреченному удивленно рассматривать макет Ворот Мудрому, и шагнул к скульптуре, изображавшей абсолютно обаятельного кота. «Здравствуй, Младший, — погладил он зверя по холке, — как ночь? А у нас тут на Замковой фигня творится. Ну, бывай, береги себя».

Ровно в час Виконт, удобно устроившись в углу кабака, жал руку крепкому парню в штатском.

— Здорово, Володя, что там служба, как дядя-полковник?

— В порядке все, дядя плодотворно ловит, я плодотворно вещаю о его достижениях. Все как обычно.

— О творческой журналистике не жалеешь? — подколот собеседника Виктор.

— Это твои, что-ли, нетленки — творческие? Чтоб вы без моей пресс-службы то делали, акулы пера с криминальным уклоном.

Подобного рода перепалки вошли у них в привычку еще с журфака.

— Подскажи-ка мне, что у нас на Замковой происходит, что за маньяк — герой соцтруда?

— Тьфу ты, читал уже... Неясно там ни черта. Сперва гопы в состоянии кристальной пьяности. Бухали, говорят, на погосте, бутылки об могилы, мат на весь район. Тут — фигура из кустов. На ножи, говорят, ходили, двое на десять махались, а тут — чуть в штаны не наложили.

«Не думай о секундах свысока», — донеслось из кармана собеседника.

— Извини, надо ответить. Да, конечно, с точки зрения пострадавшей стороны, Ваше мнение вполне имеет право на жизнь. Помилуйте, сударь, к чему эти инсинуации? Точку зрения министерства Вы только что имели честь услышать. Всего доброго.

— Вот козел драный. Прости, Витек, служба.

Так вот. Ломанулись они оттуда со свистом. Внизу отдышались, Коляна-рыжего нету. А обратно пойти — очко рипит. Один таки звякнул нам. Патруль туда. Лежит, голубчик, глаза по пять

копеек, уже остыл. Ни колотых, ни резаных. Вона как. Во вторую ночь уже сатанисты наши доморощенные Вельзевула вызывали. Дальше один в один. Фигура — страх — труп. Сегодня патруль туда на ночь идет.

Рынок бурлил и пенился. Гам и гул стояли до самых крыш пентхаузов. Буквально за пару шагов Виктору предложили щенка кавказца с королевской родословной (из ближайшей подворотни), последнюю модель плазменного телевизора «Сони» (с Малой Арнаутской), множество эксклюзивных, жизненно необходимых вещей. Кроме кранов.

Что заставило его обернуться, кто знает? Лениво повернув голову, Виктор остолбенел. Всплеск узорчатой стали приковал внимание намертво. Это был Клинок. Все ножи мира выглядели на его фоне бедными родственниками. Что Он делал на этой грязной толкучке? Как будто Гарун аль Рашид, сбросив рубище нищего, предстал во всем своем величии.

— Сколько? — охрипшим голосом спросил Виконт, поднимая глаза на продавца.

— Дорого, очень, но разве оно того не стоит?

Ирония в голосе немолодого крепкого мужика не думала никуда скрываться. Только сейчас парень заметил на гарде Клинка гравировку в виде ключа.

— А конкретнее?

— Все, кошелек и жизнь, — улыбнулся продавец, — только гляди, коготок увяз, всей птичке пропасть. Ножик-то не простой, не для кухни. Для других дел ножик. Судьбу изменить, человека спасти. И не одного. Берешь, аль нет? Вона уже толпа в очередь становится.

Зашелестели купюры.

— Помни, — донеслось вослед, — будет сложно, две стороны Клинка и Ключ не дадут пропасть.

Уходил Виктор в потрясающем настроении, нежно прижимая рюкзак с Клинком. Улицы мягко ложились под ноги, машины вежливо уступали дорогу, а прохожие с улыбкой оборачивались вслед.

Краны он так и не купил.

Запрос «Легенды Замковой горы» умчался в «гугл». «Так, посмотрим, что тут у нас».

«...У одной из монашек Фроловского монастыря была красавица-сестра. Полюбила она молодца-гридня, лучшего баяна, по коем сохло пол-Киева. А он ее. Срядили свадьбу. Но князь поднял дружину в поход, прощались они с любимым на забороле. Исчезла его фигура за горизонтом. Ждала она денно и ноцно. Месяц проходил за месяцем. Но не было весточки от хоробра. Пошла она в монастырь к сестре, где засиделась за полночь. Шла через Замковую, думая о нем. Из

кустом взметнулись тени, билась она в руках их аки горлица. Последней мыслью ее была мысль о любимом. С той поры исчезают люди на Замковом кладбище. А особенно лихим людям невесело там третьими ночами...»

«Тирьям-тирьярам там тирьям. Романтика, ля. Третьи ночи, лихие люди — пробормотал парень, — а, пожалуй, пора нам конкуренцию Вовкиному патрулю составить».

Брусчатка хитро блеснула в свете Луны, мягко толкнув в подошвы. Не спеши, касатик, а то людей насмешишь. Аль, на погост собрался. Такой молодой, не терпится? Спуск сегодня явно был в игривом настроении.

Изменение было практически неуловимым. Мигнув, погас фонарь, за ним второй. За спиной ночь забирала метр за метром. Это уже не игрушки. Парень чуть быстрее, чем следовало, прыгнул на ступени и стал подниматься.

Вечер однозначно переставал быть томным. Грозовые облака собирались над горой, обещая крайне веселую ночь. Виктор поплотнее запахнул куртку, поправил рюкзак, решительно выдохнув, шагнул под сень кладбищенских деревьев. Отдаленный громовой раскат всколыхнул застоявшийся в ожидании грозы воздух, заставив парня подпрыгнуть на месте.

Движение справа.

Резкий поворот.

«Эт-то еще что такое? Кошачье? Кис-кис. Ты куда это, зверь? Стоять, кому говорю!»

Ветки по лицу, быстрый бег.

Поляна.

Холмик.

Нет.

Могила.

Старая.

Очень.

Бой Биг-Бена с Майдана обрушился могильной плитой. 10.11.12. «Охренеть, дорогая редакция, его ж в 11 выключают!» — мелькнуло на краю сознания.

Ощущение опасности рвануло парня не хуже стального каната.

— Ой, не тиха речка журчит,

Ой, не рыжа белка бежит,

Нету воя мила во дворе,

Нету любя моя нигде.

— То ли красна девица ждет,

То ли сиза голуба влет,

Нету воя мила во дворе,

Нету любя моя нигде .

...Ожидание было горше смерти. Не было

вестей. Никаких.

Дружина ушла в Поле, утонув в ковыле. Хотелось выть, хотелось ударить сестру, говорящую «Все в руках Божьих». Сильно. До хруста зубов. До крови из-под ногтей. Он ушел. Ушел в это треклятое Поле. Любый, милый. Солнце мое.

Кусты ложились под ноги. Звезды равнодушно скалились с небес. Ухнул и сорвался в ночь филин, шмыгнула прочь лиса. Не было вестей. Никаких.

Хруст веток дошел до сознания не сразу. Когда грубые руки рванули ворот рубахи, первым чувством было удивление. Ведь не было вестей. Никаких. Она билась в силках злобы и похоти, единственным желанием было дожждаться. Увидеть. Хотя бы раз.

*Тень нетопыря затмила луну.
— Ой, не тиха речка журчит,
Ой, не рыжа белка бежит, —*

с издевкой произнес мужской голос.

«Услышано, смертная, — донеслось из-под капюшона. — Хочешь увидеть — мсти. Хочешь дожждаться — убей. Три ночи каждого третьего года ты будешь возвращаться сюда. Хочешь увидеть — мсти. Лишь когда два брата, любовь,

ключ и гроза сойдутся вместе — сможешь уйти к Роду. Хочешь увидеть — мсти...»

Воздух раскаленным песком ворвался в легкие. Дышать. Просто дышать. Что-то смертельное надвигалось из темноты. Свистящий искаженный женский шепот:

*— Ой, не тиха речка журчит,
Ой, не рыжа белка бежит...*

На грани видимости мелькнула фигура в капюшоне. «Это еще кто? Вовкин патруль, что-ли?» — услужливо отметил мозг.

Было плохо. Было страшно. Было тошно. Было... мертво.

Истошный мяв вызвал жуткий ливень. Ощущение могилы чуть отодвинулось. «Гроза. Любовь. Братья».

«Младший, ты?..» Кот со встопорщенной холкой стал якорем, держащим на краю гроба.

Иронический немолодой голос четко произнес: «Две стороны клинка и ключ не дадут пропасть...»

«Твою мать! Какой нафиг ключ!» Умная рука независимо от мозга уже шарит в рюкзаке, нащупывая слабознакомый предмет. Тускло

блестит лезвие.

Гарда.

Ключ.

Тяжелый вздох пошевелил волосы на голове.
Глаза медленно поднимаются, встречая взгляд в
ответ.

Как копейный удар в сочленение доспеха.

Голубые. Как васильки.

Красивые.

Усталые.

Мертвые.

— *Ой, не тиха речка журчит,
Ой, не рыжа белка бежит.*

«Бей, Баян, бей, милый»,

— раздалось в голове.

Смертным набатом.

Ударом наотмашь.

Ножом в спину от брата.

«Бей, Баян, бей, милый»

Любава?!!

Безумные ночи, угар первой любви, смертная
рубка в ковыле, имя на холодеющих устах...
Любава!

«Прощай, Яр, прощай, любимый...»

«Отпусти ее, брат», — кошачья тень
мелькнула у ног.

«Бей, Яр, бей, милый...»

Удар клинком наотмашь. Как глоток воды в
пустыне, как клочок чистого неба после затяжной
вьюги, как дружеская рука после ударов кованых
сапог, как... поцелуй после долгой разлуки...

Рассыпается девичье лицо клочьями тумана,
утихает в мозгу последнее «прощай».

Гиблое шипение заставило пошатнуться.
Пятном мрака в ночи пропала с глаз фигура, так и
не показавшая лица. Последний раскат грома. Тень
Кота с прощальным «мяу» умчалась в сторону
Мудрого владыки. Лишь мелко дрожал клинок в
руке, капля воды сорвалась с ключа на гарде.

На грани слышимости угасало:

*— Ой, не тиха речка журчит,
Ой, не рыжа белка бежит
Нету воя...*

Полная луна служила маяком влюбленным и ворам. Двое, смутно угадываемые в тени креста, не были ни теми, ни другими.

— *Как все-таки причудлива судьба. Сколько воплощений он ждал этой встречи, отец?*

— *Семь. Ровно семь. Я следил. Ярополк мне как брат. А какой Баян был...*

— *Да, я помню. Как все-таки причудлива судьба.*

— *Ты понимаешь, что ему придется нелегко? Он еще слишком молод, и Темный уже знает.*

— *Город сделал выбор. И главное — у него правильная душа.*

Город Позолоченных Листьев

Виктор Никитин, из неопубликованного

*Велик Златоглавый Город,
стоящий на правобережных холмах.*

Кэт Зуева

Высокий прерывающийся от страсти женский смех раскатился над ночными склонами. Они любили жадно, неистово, сминая ни в чем не повинные одуванчики. Отдаваясь друг другу со

всем пылом 16 лет, сплетаясь, сливались в одно целое, как это случалось с сотнями, тысячами любящих до них, и повторится еще бесконечное множество раз.

Минуты ручейком впадали в реку вечности, чтобы стать прошлым. Но застыло мгновение, замерло мироздание, ахнули заезды. Свершилось. Один особенно юркий сперматозоид достиг своей цели. Все было предрешено. Впрочем, как сотни, тысячи, десятки тысяч раз.

Они лежали, обнявшись, выжатые, как тонкая ткань после тысячи оборотов, а над ними висело звездное небо Матери Городов Русских, лукаво подмигивая Большой Медведицей. С интересом прислушиваясь к процессу, запущенному внутри. Как сотни и тысячи раз...

Тусклый отблеск фонарей на брусчатке. Извилистая лента, струящаяся с Горы к подножию. Сердце Города. Гора. Колеблющиеся гроздья сирени. Загадочное дыхание древности. Первые жители. Янтарный отблеск срубов над Днепром. Место силы. Тугой перестук копыт старшей дружины. Последний путь Перуна. Маковки церкви Андрея. Квартал гуляющих девок и Турбиных. Потрясающие парадняки. Лукавый прищур Мастера. Андреевский, так похожий на важнейшую артерию в теле Киева.

Она спала, поудобнее устроив округлившийся живот. А на дворе пела вьюга. Морозный ветер, прилетевший со стороны Чернигова, скользнул по обледеневшему подоконнику, тонкой струйкой проникнув в незаклеенную щель. Женщина зябко поежилась. Луч яркой звезды с затянутого тучами небосклона упал на край одеяла. Отблеск фар на стенах домов. Тени зданий накрывали спящую, создавая причудливый узор.

«Мягко. Уютно. Щекотно. Касание. Интерес. Тепло».

— Ч-ш-ш. Ты чего брыкаешься, милый? Маму разбудил...

Длинная стрела, связывающая исток с будущим. Молодость со старостью. Шлифованная брусчатка. Плитка тротуаров. Тревожный набат пожарной команды. Гордая булава. Купола Софии. Мрачный камень охранителей державных секретов. Ворота, крытые золотом. Недремлющая стража старого Города. Борода историка. Звон четырех аккордов под неодобрительным взором непогрешимого классика. Поток юных, полных надежд существ, выливающих из красных стен. Стекланный купол академического хранилища знаний. Старшая сестра Крещатика. Улица пресветлого князя. Владимирская.

Громкий рев заставил подпрыгнуть трехмесячного котенка. Паника родителей. Насупленный взгляд исподлобья. Горе горькое. Какие взрослые переживания сравнятся с первыми обидами и неудачами? Робкие попытки встать. Затем пойти. Невнятная абракадабра, наполненная высочайшим смыслом. Завороженное застывание перед окном, за которым обычный непритязательный подольский пейзаж. На час. На два. На три. Нелепое ощущение безмолвного диалога между человеческим детенышем и... кем? В завершение громовой рев при попытке отодрать от вожделенного окна, усадив за стол.

Узенькие улочки. Запах Славутича. Прохладный ветер с реки. Район работающего люда. Контракты на площади. Гул торговцев. «Вот такенный сом! Не. Вот такенный!» Омуты у берега. Яркие паруса византийских судов. Купола уютных церквей. Треск пожаров. Большая вода. Стук топоров, несущих возрождение. Грязь и мусор. «И от тайги до британских морей». Печальный взгляд мыслителя. Бомжи и гопники. Без Подола Киев невозможен...

Он рос. Прибавлялось синяков и ссадин. Все реже утешение искалось в кольце маминых рук. Все

чаще приходилось выслушивать жалобы соседей с учителями. Вот только непритязательный пейзаж за окном не менялся... Но и он интересовал растущего человечка все меньше.

Разве что по ночам. Когда Луна светила в форточку, а товарищи по казакам-разбойникам видели третий сон. Но приходило утро, а за ним новый день, полный забав, школьных будней, познания мира.

Тень Креста. Шепот старых деревьев. Залпы салюта. Пахнувшие порохом полусферы. Удобные лавки, скрытые зарослями. Первые неверно взятые аккорды на черниговской шестиструнке. Краткий путь к центру. Кошкин дом. Корты. Загадочная беседка за забором. Смотровая площадка. Крутые лестницы. Скрип полозьев по снегу.

Старинные склепы. Увявшие в землю надгробия. Радиолокационная станция. Огромный дуб. Шикарные панорамы. Алея пейзажей. Камень. Детьинец. 300-летняя липа. Половецкие бабы, а также папы и дяди. Самые правильные скамейки. Братья — основатели.

Киевские горы.

Мадера оказалась неожиданно вкусной. А уж болгарская «Изабелла»!

Сперва битые бутылки не вызывали

неприятя. А че с ними таскаться? В кусты! Осознание пришло как вор. Ночью. Бесшумно. В крошечной темноте.

Не срать! Так нельзя. Ему неприятно. Кому? На тот момент он так и не нашел ответа на этот вопрос. Но больше никогда не оставлял за собой мусора. Ну, почти никогда.

В редкие минуты отдыха от шумных тусовок, домашних дел, телевизора и книг в руках появлялся чистый лист бумаги. И на нем возникало нечто.

— Архитектор ты мой, — нежно-деловито сказала мать, увидев неуверенные наброски, — пора тебя к папе пристраивать.

Отец работал каменщиком. Тоже где-то в чем-то зодчий.

Как-то незаметно возникло строительное училище, потом тяжелая, но денежная работа подмастерьем. Ему было все равно.

Младший брат Владимирской. Разрушенный и возрожденный. Известный и неведомый. Необъяснимо притягивающий машины в любое время суток. Любимое место народных гуляний. Горы мусора наутро. Мрачные дворники. Обменники. Киевзем. Ц.Г. Скрытые дворники. Перепички с пылу, с жару. Оранжевые морозы. Помпезность и нищета.

Крещатик.

Загадочная девица в вышине. Хмурый архангел. Подземная роскошь. Очереди в туалеты. Тусовки по пятницам. Злобные патрульные. Паляницы и кирпичики. Гонники и хипаны. Многообразие путей. Неожиданные встречи.

Так все-таки Майдан или Площадь?

Она была прекрасна.

Да нет, фигня. Обычная девица 18 лет, в полном расцвете юности. Первая любовь. Дежурства под окнами, долгие ожидания в подъезде. Поцелуи в ночной тиши двора детского садика.

Ему повезло. Слишком рано возник разговор о новом холодильнике в их совместной квартире (не имея хоть бы намека на квартиру!). Слониках на серванте... В общем, кончай фигней страдать, иди математику делай. А бумагу хорошую, ту, что ты запачкал, мы детям отдадим, пусть с другой стороны рисуют. Не пропадать же добру.

Расставание оказалось бурным, но скорым.

Женатые товарищи крутили пальцем у виска.

— Дурень, такая баба! Ты за ней, как за каменной стеной! (что-то в построении фразы резало слух). Домовитая, хозяйственная... Эх ты!

Были и такие, что молча хлопали его по плечу. Он знал, это те, кто до сих пор застывают, глядя в обычный пейзаж за окном.

Альма-матер. Тяжелые дома, помнящие отца всех пионеров и физкультурников. Парки над Днепром. Таинственные заросшие аллеи. Неловкая юношеская страсть. Заледенелые спуски. Нежданные повороты. Зеленый Театр. Меридиан. Еще более злобные патрульные. Первые концерты Медведева. Прокуренные компьютерные салоны. Рев болейщиков. Мост влюбленных. Черт, какой мост!

Цитадель власти. Печерск.

Потом появилась Она. Уже подугасли мальчишеские порывы. В его жизнь вошла не просто смазливая девчонка, вошла Женщина. Скоро в доме стало шумно. И уже следующее поколение приходилось оттаскивать от окна, с целью принудительного кормления. Оказалось, что в сутках чертовски мало часов, а в кошельке — денег. А вот работы наоборот — много. Он стал широко известен в узких кругах. Пылились в кладовке зарисовки и чертежи. И только по ночам ему снились высокие шпили, угловые контрфорсы, ажурные ансамбли, изящные мезонины...

Идеальные дома.

На утро обычно болела голова.

Заливные луга. Панельные многоэтажки.

Широкие проспекты. Гордые пентхаузы. Заброшенные стройки. Недорогие базары. Узенькая набережная. Ролевые игры-«кухонки» на всю ночь. Джедайский перстень. Влюбленность до гроба. Вера и предательство. Озера и портвейн. «Гопак» и двухлитровые баклаги «Оксамыта». Новый год. Одесское шампанское. Верка Сердючка. Франция — Бразилия.

Оболонь.

Груды мертвых листьев шуршали под ногами. Промозглый ноябрьский ветер пробирался даже под дорожную кожаную куртку. Но вернее холодного дуновения жалила хандра. Он брел по усыпанной мертвыми телами листьев аллее. А рядом шагала Тоска.

«Ты прожил долгую жизнь, — шептала она, — а зачем? Чего ты достиг? Вырастил сына? Хорошим человеком? А ты уверен? Он помнит твой адрес? Посадил дерево? Построил дом? Ах да! Ты же каменщик! Творишь типовые голландские коттеджи! Ты это хотел оставить потомкам?»

Он шел, не разбирая дороги. Лишь в висках набатом отзывалось. «Ты это хотел оставить? Это?»

Тенистая аллея заканчивалась, с каждым шагом приближая царство слабеющего осеннего солнца.

Все. Финал.

Он шагнул в океан света, как в незнакомый омут. Без оглядки, зажмурившись. С головой.

Шепот.

Как в детстве.

Хочется застыть перед окном. На час. Два.

Три.

Только ты уже не ребенок. Не юноша. Скорее старик.

Шепот.

Он. Открыл. Глаза.

Шпили. Контрфорсы. Ансамбли. Мезонины.

Его идеальные дома.

Наяву.

В самом сердце Города, перед изящными небольшими домиками, сверкающими новенькой краской, стоял пожилой, аккуратно одетый мужчина.

И плакал.

Андреевский. Владимирская. Подол. Горы. Крещатик. Майдан. Печерск. Оболонь. Нивки. Куреневка. Сталинка. Позняки. Теремки. Троещина. Татарка. Борщаговка.

КИЕВ.

Очень жаль, но мы не вечны,

*Мы должны уступить свое место другим,
Но мы надеемся беспечно,
Что когда придет на землю Хэллоуин,
То отпустят наши души
Чистые или не очень,
Явится последней теплой осенней ночью
В Город Позолоченных Листьев,
В наш Город Позолоченных Листьев.*

Кэт Зуева.

Хранитель-2. Посвящение (Нелюб)

Благодарность Катерине за любовь к воде и за понимание необходимости перемен

Давно он не был так рад пробуждению. Вынырнуть из вязкой пучины кошмара к первым лучам утреннего солнца. Хм. Именно вынырнуть. Во сне все было залито водой. Грязной, мутной жидкостью с запахом мазута, вкусом гниющей плоти. Она заливала лицо, заползая в нос и рот. Виктор подавил рвотный позыв. Приснится же такая... мерзость.

Хотелось спать. Без снов. Организм явно

чувствовал себя не в своей тарелке.

Громкие голоса на лестнице позволили отвлечься от анализа грез. «Здравствуйте, — сказал Виконт заплаканной соседке, — у вас что-то случилось?»

«Васю скорая забрала», — сквозь слезы отозвалась Марина, нестарая еще женщина из квартиры слева, пекущая изумительные пирожки с вишнями.

Напоив соседку кофе с коньяком, парень услышал историю полностью.

Василий, средней руки бизнесмен, владелец фирмочки по продаже мебели, пришел домой в состоянии крайнего остервенения. Старый его конкурент, в былые годы товарищ, утратив остатки людской порядочности, перехватил у него контракт, на который Вася возлагал огромные надежды. И упустил. В таком бешенстве она не видала мужа со времен развала Союза. Хлопнув стакан водки, Василий ушел в ванную, где провалялся часа три. «Мы с ним не разговаривали почти, — всхлипнула Марина, — он из ванной вышел, я уже дремала. Ночью спал плохо, бормотал, вскидывался. Под утро смотрю: задыхается. Вид — краше в гроб кладут. Я — в скорую. Они: «Присту-у-у-п!»»

Утро откровенно не радовало. Город выглядел

больным. Грязные тротуары, грязные стены, грязноватое небо, очень грязные люди. Виктора передернуло. «Да что ж это за день то такой», — мелькнуло в голове. Попустило только в виду Золотых ворот. «Ну и пусть муляж, — подумал парень, — зато правильный». Они возвышались как скала. Гордо горели маковки, стены бросали вызов любому злу. «Приходи, мол, поратоборствуем!»

Виктор, улыбнувшись воинственному настроению Врат, подошел к Младшему. Пробило полдень. Он положил руку на загривок кота, настроение окончательно улучшилось. Вместе с тем пришло понимание, что сейчас он в силах помочь хотя бы в малом.

Цели в его прогулке не было. Ноги вели сами. Ноги и еще что-то. По мере отдаления от Ворот угнетенное состояние стало возвращаться. Люди загаживали Город. Со всем немалым старанием, огромным упорством. Казалось, что мысли убирать за собой исчезли у населения как класс. Если когда-нибудь были. Дорога напоминала путь через минное поле. Свалка, куча мусора, насрано. И так по кругу. Вдруг он понял, зачем идет. Где-то невдалеке ждали помощи. Крик отчаяния дернул вперед.

Арка.

Скалящиеся горгульи.

Тут.

Белое Дерево.

Кто ж тебя так.

Посреди уютного, истинно киевского дворика росло Дерево. В тени его кроны было бы удобно целовать девушку, рассказывать малышам сказки, отдыхать старикам.

Было бы.

Дерево умирало. Виктор рванул ворот рубахи. Было тяжело дышать. Чумным пятном вокруг расползлась стройка. Груды грязно-желтой породы, куски рубероида, обломки инструментов подбирались вплотную. Мизерный участок живой земли пропадал под их натиском.

Но пока дело было только в этом, клен держался. Но потом пришли Крысы. Орава серых голохвостых тварей подгрызала корни. Дерево стояло, сдвинув ветви, как ряды последних защитников Цитадели. Когда нет Надежды, и только Вера помогает, сомкнув щиты, удерживать врага еще несколько минут.

С разъяренным шипением Виконт перетек к крысам. *«Сбежались, падальщики! — стеганул по тварям его внутренний посыл, — Рано!»*

Мягкие лапы крались рядом.

«Прочь! Не ваше! Не трожь!» Серая волна отхлынула к подвалам. Дольше всех задержался матерый крысюк, размером с упитанного терьера.

Виктор поймал взгляд мутных звериных глазок:

«Сюда.

Вам.

Дороги.

Нет!!!»

Крыс прижал уши и бросился в дыру.

«Гаммельнский крысолов, мать твою, — выдохнул парень». Сзади благодарно зашелестели ветви. Виконт знал: теперь здесь все будет хорошо.

Трель мобильного ударила по ушам. Звонила старая, еще с хишек знакомая. Искала хорошего сердечного доктора. Предположить, что пьющей и работающей наравне со здоровыми мужиками «хрупкой» барышне понадобится подобный специалист? Оказалось — таки не ей.

При первых словах рассказа сердце парня екнуло, делая охотничью стойку. Где-то он это уже слышал. Брат его знакомой пришел домой в состоянии крайнего остервенения...

«Тирьям-тирьярам там тирьям. Чукча не дурак, у чукчи проездной. Похоже на тенденцию, однако».

Всезнающий инет не подвел и на сей раз.

«За последний месяц количество сердечных заболеваний у населения возросло в 3,5 раза. Минздрав рекомендует ограничить употребление алкоголя, табака. Заняться спортом».

Мозг отказывался работать напрочь.

Практически бессонная ночь, общение с братьями нашими меньшими медленно, но уверенно сводило мыслительный процесс к нулю. Виктор нырнул в теплую ванну, не заметив, как задремал.

Грязно.

Мерзко.

Тошно.

Разлагающиеся тушки дохлых рыб вяло переваливаются в загаженной воде. Медленно моргают мертвые глаза. Когда-то белоснежная чайка ковыляет вдоль берега, не в силах взлететь из-за нефтяной пленки на крыльях. Мягкие густые мазутные волны заливают всю землю.

Трудно дышать. Что-то выпивает воздух, не давая ему попасть в легкие. Радужные круги перед глазами образуют спиральный тоннель в никуда...

Кошачье шипение и быстрый топот маленьких ног выдергивают из-под воды.

«Молочка налей, дурень. И хлебушка положи, — раздается в голове, — Нафаня! Сундучок украли!»

Виктор свесился через край ванной, как манну небесную вдыхая душный квартирный воздух. Взгляд с ужасом зацепился за нефтяные пятна на полу, откуда в ответ с гастрономическим интересом взглянуло что-то нездешнее. Откинувшись назад, переведя дыхание, парень взглянул вниз.

Там среди мыльных луж он увидел лишь свое

перепуганное отражение.

Зачем молока? Куда молока? Для тараканов, что ли? Вот порадуются старики.

Но минуты бежали, а страх не отпускал.

А! Хрен с вами, золотые рыбки! Не жалко. Наливая полную миску, отламывая от краюхи, Виктор горько усмехнулся. Он с детства мечтал о коте. Мягкое урчание, независимый характер, гордый нрав, острые когти. Но сперва родители, потом работа. «Был бы кот...»

Топот и посапывание, приближающееся к угощению, заставило парня подпрыгнуть на месте. Виконт потянулся за ножом и... увидел, кто издает звуки. Это был домовой, практически такой, как в мультике. «Глюки, — подумал парень, — спать надо больше, а пить меньше». Домовой фыркнул:

— Сам ты глюк, а я потомственный домовой, тебя еще в проекте не было, а я с самим Городецким работал! Эх, молодежь, молодежь... — Он вздохнув, хлебнул молока. — А еще Хозяин, — укоризненно продолжил он, — пожрать не дает, снега зимой, и того не допросишься!»

Виконт подобрал упавшую челюсть:

— Слыш ты, раритетная субстанция, не хами хоть. Я знал? И вообще, сейчас приедут добрые дяди в белых халатах, заберут нас с тобой в дурку.

— Не того боишься, Хозяин, без меня ты

скорее всего до утра не доживешь, — погрозил ломтем хлеба домовой. — А! От вас справедливости дождешься! Работай тут за черствую корку, — домовой допил молоко и покосился на холодильник, — дом в порядке держи, ни тебе благодарности, ни тебе уважения. Ладно! Так и быть, помогу, а то вымрете, как инсектоиды. Без чего жить никто не может, — его голос расплылся, поменяв тембр, — что основа всего? Что вы изгадили до полной противоположности? Думай, времени мало...

Виктор очнулся. Без чего невозможно жить? Пиво и барышень пока отмечаем. Пожалуй, сейчас спич не о них. Звук спускаемой воды привлек внимание. О! Кстати о птичках. Вот что у нас основа всего живого. Загудел включаемый компьютер. Вода. Жизнь родилась таки тут. Бла-бла-бла. Способна накапливать информацию. Хм. Духи воды — nereиды живут в чистой воде.

А в грязной?

Тишина задумчиво прислушалась к воцарившемуся молчанию. «Сойдет», — благосклонно кивнула она.

Гул города за окном надвинувшись стал всеохватывающим. Сознание, растворившееся в шуме мегаполиса, начало различать непознанное ранее. Город жил независимой от людей жизнью. Огромное количество сущностей

взаимодействовало с гомосапиенсами, не ставило их в грош, пользовалось их наработками, паразитировало на них.

Воспринимало людей как еду.

Если вы относитесь к природе как к бездушному и безответному нечто, не удивляйтесь, когда к вам станут относиться так же.

Виктор открыл глаза. Он знал, что делать. Не знал только, принесет ли это результат. Но другого выхода не было.

Задержав дыхание, он погрузился в ванную с головой. Вся мерзость его 30-летней жизни проходила перед глазами. Детская жестокость (нет, познание мира! — зачем мушке столько лапок?), подростковый эгоизм (все козлы и уроды, один я в белом), взрослая расчетливость и подлость (смять, выбить, урвать) расплывались вокруг мутным обволакивающим облаком.

Пятна мазута не давали дышать. Маслянистая жидкость (вода? это вода???) заливала легкие. Парень с трудом приразжал губы. Подобие улыбки пробилось наружу. Виктор вспоминал ВОДУ.

Широченное русло Днепра (какая, нафиг, птица!), качающее на своих ладонях хрупкие лодчонки. Парная вода Десны на рассвете, нежная, как лебяжий пух. Безбрежное, то ласковое, то суровое море, поражающее своей гармоничностью.

«Придите, — попросил парень, — без вас...

тускло».

И они пришли.

Виконт потом не раз садился за клавиатуру... и не мог Их описать. Ну, колыбель жизни, ну стихииалии, ну Посейдон, блин, с дрыном.

Исполинская сила согласилась вернуться.

Вода в Городе оживала.

Ничто не могло ей противостоять. Те ущербные, псевдоводные сущности, заполонившие трубы («нелюбы» всплыло в журчащем потоке) принимались ей как блудные дети, растворяясь без остатка.

Вода в Городе снова становилась действительно ВОДОЙ.

— Теперь все будет хорошо? — с детской надеждой спросил Виктор, внезапно увидев того, к кому обращался. Грозный греческий бог смотрел на него с легкой укоризной.

— Ты Нептун? Что-то у меня сегодня день встреч со сказкой.

«Я Вода, вернее, малая ЕЕ частица. Просто вам, людям, нужно персонифицировать того, с кем разговариваете. Ты представил меня так».

— А нелюбы?

«Мы не живем в грязном. Духи воды спешат уйти, а те, что остаются, умирают либо становятся нежитью, вода мертвеет. Вы создаете нелюбов. Вы их кормите, людская злоба, ненависть, НЕЛЮБОВЬ

для них еда. Когда касаешься мертвой воды, они тебя видят. А дальше все зависит от человека. Спокойствие, хорошее настроение — безопасность. Лишь легкая усталость, вот и все, что может грозить. Но если человек зол, гневен, раздражен — не сносить ему головы. Выпьют, высосут, высушат...»

— Все закончилось? — повторил парень.

«Не совсем. Мы очистим воду лишь на тонком плане. На физическом она сама привела бы себя в порядок, но ей не даете вы — люди. А если у вас вода останется грязной, то вскоре умрет. Мы уйдем. Нелюбы вернутся».

— Что же делать?

«Не гадить, мой друг, и вдолбить остальным эту нехитрую истину...»

«Я умею дышать под водой?» — удивилось тело. «Нифига, товарищ кошка» — ответило сознание.

Виктор вынырнул из ванной, с наслаждением глотая воздух.

Серебристые искры на поверхности воды говорили о том, что nereиды взялись за работу.

Черные, как смоль, тучи стягивались со всех сторон. Ветер, набравший силу с каждой минутой, пригибал кроны деревьев, заставляя дрожать

стекла. Первый раскат грома раздался невдалеке, и тучи прорвало. Стена ливня обрушилась на землю. Потоки воды проносились по улицам, сопровождаемые воздушными порывами, смывая грязь, очищая Город. Давно уже две стихии не действовали так слаженно, гармонично...

В уютной больничной палате, широко распахнув глаза, вдохнул воздух бизнесмен средней руки. Эта ночь принесла радость во многие семьи.

Умытым, очищенным, обновленным встретил Виктора Город. Гроза прокатилась безболезненно. Не было сломанных деревьев, сорванных проводов, покореженных машин. Наоборот, добрее выглядели люди, свежее линии домов, мягче световые блики, тоньше восприятия и ощущения.

Целый день парень бродил по Городу. Все, от рисунка облаков, криков птиц, шелеста деревьев до рычания машин говорило, что этим вечером должно случиться нечто особенное. Когда солнце стало близиться к закату, Виктор сильно напоминал ребенка в предвкушении дня рождения.

Ноги вывели его к Кирилловской церкви, одному из немногих строений, помнящих князей Киевской Руси. Когда он вошел под старинные своды, дышащие прохладой, его... как будто по голове погладили, нежно так, тепло. Первый вздох, первый луч, первый кирпичик в основу того нового,

неизведанного, что пробуждалось сейчас в Викторе. Вдохнув пронизанный ладаном воздух, послушав священника, крестящего серьезного карапуза, Никитин четко осознал — волшебный вечер начался.

Тень, скользящая в проеме двери, привлекла его внимание. Не может быть?! Выскочив наружу, парень краем глаза зацепил мелькнувшую четырехлапую, хвостатую зверюгу, уверенно потрусившую вниз. Виконт двинулся следом. Путь до центра они одолели вместе. Тень кота впереди — его спутник позади.

Город таким он еще не видел. Каждое здание открывалось новой, неожиданной гранью. Смотри, мол, какое я на самом деле. Не бабочка-однодневка, не бетонная или кирпичная коробка. Я ДОМ. Дом, который рождается, растет, достигает зрелости, умирает (как и все живое) в величайшем Городе мира. Я чувствую, осязаю, сопереживаю. Могу помогать, могу — мешать. Могу быть добрым, а могу — злым. Я — живое!

И над всеми зданиями Киева ощущалось еще что-то: огромное, старое, мудрое, величественное. Виктор сбился с шага. Ощущение медленно растаяло, оставив послевкусие тайны.

Порыв ветра принес звуки с Подола. Парень стоял в сердце Города — Детинце. Вода Днепра дружески подмигнула закатным лучом. Виктор

закрыл глаза.

«Здесь будет Град Велик!» — испугнутые олени прыгнули в чащобу.

Лес. Холмы. Река. Четверо в ладье:

«Я поставлю свой дом здесь».

«А мне это место по нраву!»

«Братья, красиво-то как!»

Михайловский, Лавра.

Виконт начинал чувствовать ключевые точки Киева. Каждая важна, каждая незаменима. Как в любом организме.

Аскольдова могила.

Места силы.

Парень удивился крайне неспешному течению времени. Пройдено было немало, а солнце только собралось за горизонт.

Станный отблеск привлек внимание. Заходящий луч коснулся острого края облака с крестовиной, отразившись от золотых куполов.

Софии Киевской.

«Спасибо, Архистратиг», — улыбнулся парень. Шелест каштанов был ему ответом.

Шаг.

Усталость.

Шаг.

Страх.

Шаг.

Гнев.

Шаг.

Спокойствие.

Шаг.

Понимание.

Шаг.

Уверенность.

Он остановился между стенами святыни («пока вечный храм кто-то не осквернит») и фигурой бойца («нумо хлопці, покажемо бісовим ляхам!»), на зеленой, покрытой росой траве, под шелестящими листьями каштанов.

Его встречали двое.

Крупный мужчина в «анатомичке» с бастардом в ножнах и изящный серебристый котяра.

«Ты плоть от плоти, кровь от крови Матери городов русских. Ты, видевший любовь и нелюбовь. Ты, почувствовавший Клинок и Ключ. Принимаешь ли обязанности Хранителя?» — прозвучало в голове.

— Таки да, а шо? — улыбнулся парень.

— Господь наш, всеблагой, не забыт таки народ твой на Земле, — абсолютно серьезно произнес мужчина. — Хранитель осознал себя.

Легким пером коснулся бастард плеча юноши.

«Ты познаешь любовь — благою и то, что люди называют любовью, но обманываются, гнев — праведный и рожденный гордыней, чистоту и

грязь, доброту и злобу, ненависть и смирение, благородство и подлость. Не только людей. Но и иных созданий Господних. Не забывай, зло не дремлет, но ты не останешься в одиночестве». Мурчащее тепло возле ноги подтвердило слова Архангела.

Солнце исчезло за горизонтом.

Хранитель стоял посреди Софиевской площади, впитывая эмоции родного Города.

Тишина

Из архива Братства Ищущих

*Тишина, ты одна
Обними меня за плечи,
Успокой меня за ордена.*

Красноватый зигзаг молнии, первый и пока последний, рассек мрак за окном, заставив сидевшего в кресле мужчину сосредоточить взгляд на потемневшем небе. Слегка подавшись вперед, он уловил отдаленный раскат грома, тоже первый за эту ставшую очень длинной ночь. Его глаза приобрели отдаленное подобие осмысленного выражения. Последние отзвуки раската затихли

вдали, на человека вновь навалилась ТИШИНА. Это была ее ночь. С закатом Тишина вошла в предместья, приветливо раскланявшись с Ночью, укутала Город своим бежевым покрывалом. Город сдался практически без боя. Ночные звуки погибли сразу, захлебнувшись в тишине, чуть дольше продержался свет, тускнея с каждой минутой, отдавая квартал за кварталом верному слуге Тишины — Туману. И уже через час на месте Города колыхалась белесая пелена, из-за которой не доносилось ни единого звука. Человек, которого диверсия Тишины застала посреди борьбы с ее родной сестрой — Тоской, был катастрофически ошеломлен этим двойным ударом и до сих пор не мог прийти в себя. Он щелкнул выключателем, но свет, естественно, не загорелся. Мужчина пошатываясь подошел к окну и уткнулся лбом в стекло. В эту минуту агонией побежденного Города начался ливень. Косые струи воды, приближаясь к земле, тонули в тумане, создавая хоть какое-то подобие звука. Человек опустился на пол, с надеждой лоя любой отзвук, доносящийся с невидимой улицы. Он знал, что это конец. Город умер, утонул, рассыпался, и уже ничто не могло спасти ничтожный комок плоти, скрючившийся в небольшой однокомнатной квартире. Мужчина оскалился, едва слышно выругавшись. Рано или поздно это должно было произойти... Тоска всегда

приходила первой. Она заглядывала на пыльную кухню, кивала сонному домовому, мягко приоткрыв дверь, входила в комнату. Находящийся внутри обычно ее уже ждал. Тоска устраивалась в кресле и начинался ад. А когда человек был уже готов взвыть, появлялась Тишина... Уже не отзывалась на шум машин гитара на стене, как сбитый во время прыжка кот замолкал телефон, исчезали куда-то прохожие и гасли фонари. Вокруг медленно проступало липкое болото молчания. Но как теперь оказалось, то были цветочки. Раньше мужчина находил в себе силы, сорвав со стены гитару или распинав телефон, выставить Тишину из дома. В крайнем случае, из дома вырывался он сам. А там ему помогал Город. Серебряные струи дождя, мягкий свет неоновых вывесок, круглый шар Луны. Так было раньше. Теперь первый удар был направлен именно на Город...

...Так уж бывает, так уж выходит...

Окончательно стемнело. Внезапно подал признаки жизни, заключавшиеся в одном коротком полувзвонке, телефон. Человек метнулся к столику, сдернул трубку... и с окаменевшим лицом услышал в ней хохот Тишины. Обессилевший мужчина опустился в кресло. Его наконец-то достали. Выхода не было. Знакомые, друзья, люди вообще не более чем миф. Их никогда не было и уже не будет. Есть только Она. Человек начал свыкаться с

Тоской. Она оставалась у него на ночь, будила утром и только ярким солнечным днем отступала и уходила по своим делам. Он почти забыл о том, что сестер было двое. И вот старшая напомнила о себе.

...Кто-то теряет, кто-то находит.

Великое белое безмолвие. Ты растворяешься в нем, распыляется личность, исчезают чувства, стремления, надежды, желания. Остается только Пустота. Человек в кресле медленно обмяк, уронив голову на грудь. Краем угасающего сознания он уловил безнадежно опоздавший телефонный звонок.

...Тишина... Ты одна...

В этот самый миг на гитаре, не издавая ни звука, лопнула шестая струна.

*...Обними меня за плечи,
Пожалей меня за ордена...*

Хранитель-3. Детнош

Благодарность Катерине за веру в силу любви

Порыв ветра всколыхнул застоявшуюся августовскую ночь, пробежался по ветвям чахлых деревьев, заставил скрипнуть старые качели,

поднял придорожную пыль, плюнул мелким крошечком в покрасневшее лицо тяжело бредущего человека. Тот вяло выругался, отхлебнул из полупустой бутылки, продолжив путь по ускользящей дорожке.

Он был пьян. Не тем бесшабашным легким хмелем, позволяющим порой творить чудеса, а вязким, тяжелым маревом, сковывающим движения и замедляющим восприятие.

Ему изменила жена. Впервые. Только сейчас пришло понимание того, насколько испортились их отношения за последнее время. Ушла влюбленность, сменившись обыденностью. Дети они так и не обзавелись, пропасть становилась все шире.

Надрывный отчаянный вой прокатился над спящими домами, увязнув в вонючей подворотне. Прохожий пошатнулся, чуть не упав, испуганно оглянулся.

Позади было пусто. Только неоформленная тень, усилившийся запах опавших листьев, отголосок звука на грани восприятия. Вслушиваться не хотелось. Всматриваться тоже. Сильно захотелось убраться отсюда подальше.

Попытка ускорить шаг не удалась. Земля пошатывалась, выкидывая странные кренделя.

Ветер утих. Гнетущая тишина заполонила промежутки между темными громадами зданий,

тяжело опустившись на плечи.

Крадущаяся.

Пронзительная.

Смертоносная.

Страх почти перебил хмель и по-хозяйски обосновался во всем теле. Когда сердце было уже на пределе, пришел звук. Посреди пустынной улицы раздался обиженный детский плач. Он стал последней каплей.

Бешеный бег мимо полупрозрачных вековых деревьев.

Организм, отравленный водкой, не выдержал темпа, задаваемого сознанием. Лихорадочно ловя воздух, держась за бок, мужик остановился возле бетонной стены.

Один он пробыл недолго.

Хихиканье, прозвучавшее в двух шагах, подвигло на казавшийся невозможным рывок.

Хрипло проталкивая в глотку каждый вдох, он выгадал еще несколько минут. Все ресурсы тела были исчерпаны. Человек сполз по стволу молодого клена, понимая, что останавливаться нельзя, нужно бежать. Но бежать он больше не мог.

Торжествующий детский смех, раздавшийся над ухом, опрокинул наземь.

«Лидку жалко, как она теперь кредит без меня вернет». Тело под кленом дернулось еще несколько раз и затихло.

Субботнее утро началось поздно. Виктор окинул взглядом покрытый зеленым сукном стол, с расписанной пулей, пустыми пивными бокалами. Вечер удался. Полтинничек был разыгран весело и познавательно. Пиво было свежим, расклады интересными, а выиграли как всегда немцы. Он глянул на результат возле своего имени, весело насвистывая, направился в ванную.

Традиции пятничного префа тянулись еще с института. Партнеры менялись, но зачастую среди них оказывались Вовчик и Серж. Последний, прикупив пятую книжную точку, появлялся все реже, но вчера, забив на бизнес, таки вырвался. Прихватив с собой изумительную горбушу.

«Наша служба и опасна и трудна», — донеслось из гостиной. На мобилу Вовчик отозвался не сразу. Сонное «Але» сменилось тишиной. Через минуту полуодетый приятель столкнулся с выходящим из ванной Никитиным.

— Прикинь, утро испортили. Че-то с дядей Колей случилось. Надо ехать смотреть. Говорят что-то странное.

— Я с тобой мотнусь, не бросать же страждущего в такую рань.

Выйдя из морга и закурив, Вовчик ошарашено посмотрел на друга.

— Он же батиного возраста, полтинник с небольшим. А тут старик лет 80. Но это он, отец опознал. И все приметы совпадают. Что за икс-файлы, твою мать! А район, где его нашли. Спальный. Вообще херня какая-то. Народ обычно шарится толпами. А тут только утром дворник наткнулся. Ничего не понимаю, говорит. Людей никого. Даже стая кабыздохов местных как сквозь землю провалилась. Каждое утро им, говорит, кусок едова кидаю. А сегодня зову-зову. Как корова языком.

Прозвеневший тревожный звоночек Хранитель поначалу проигнорировал. Но с приближением вечера желание наведаться на место смерти Вовиноного дяди росло и крепло.

Хм. А где обещанные толпы народу? Таких пустынных улиц в Киеве в 11 вечера Виконт не видал уже давно. Редкие прохожие вели себя, как при беспощадной бомбардировке. Не было видно компаний подвыпившей молодежи, так «украшающих» спальные районы. Даже музыка из немногих работающих кабаков доносилась как-то приглушенно. На районе было что-то явно не так.

Хранитель приподнял голову. Мысленный посыл унесся, растаяв между домами.

«Я слушаю тебя», — раздалось в голове через минуту.

— Ты тот, кто смотрит за этой частью Города. На твоей территории что-то происходит. Я хочу знать, что.

«Это смертельная опасность. Я бороться не могу. И ты не сможешь, если не встретишь соратников. Попробуешь сам — умрешь. Оно в своем праве. Силой не сломишь».

— Оставь иносказания. Что это?

«Я не могу тебе ответить. Прости».

Наступивший полдень Виконт встретил традиционно.

«Извини, брат, что вчера не пришел. Тут очень странный расклад лег. Районный загадками заговорил, что твой сфинкс. Нифига я если честно не понимаю».

Ощущение родилось не сразу. Пульсирующая тьма сменилась слепящим светом. ГОЛОД. Неопределенность, непониманием. ГОЛОД. Любовь, любопытство — страхом. ГОЛОД. Боль, бессилие — удовлетворением.

«Что это было, Кися?» Уходил из парка Виктор в сильнейшем недоумении.

Нежный перебор резанул по уху.

— Девушка, у вас гитара не строит, — передернувшись, обратился Виктор к симпатичной шатенке с «Кремоной».

— Прежде чем говорить про мою четвертую, посмотрите на свою пятую, — лукавый взгляд из-под челки заставил позабыть о массе важных дел.

Брусчатка Андреевского сменялась асфальтом Подола, затем песком Труханова. Мотивы и нюансы беседы менялись еще чаще. Лада, улыбнувшись счастливой девчонке целых 4–5 лет, внезапно помрачнела.

— С подругой моей морально этическая проблема случилась. Это ее сюпруг так беременность обозвал, вернее то, что с этой беременностью, по его мнению, сделать положено.

Почему? Ну, два года как женаты, для себя пожить, добра нажить, друг другом насладиться. А тут на тебе уа-уа, пеленки-распашонки и так далее и тому подобное.

А она, что она? Он же ей ульти матом: или аборт или развод.

Она в истерике ко мне за советом, а что я присоветую, если опыта никакого, только с чужих слов да рассуждений.

Мама далеко, а я рядом, подруги мы, в одном детсаду срок мотали, горшки рядом. За одной партой в колонии среднего школьного режима от звонка до звонка. Только после школы я в институт, а она — работа, любовь, замуж.

Вот теперь, я думаю, она думает, а по мне, так

о чем думать? Рожать надо.

Аборт — слово-то какое, бррр. Ребенка убить, себя искалечить, грех на душу взять.

А потом что? Ну, останется он с ней, надолго ль? Рано или поздно ему наследника захочется. А если она не сможет? Он себе другую найдет. А она — ни ребенка, ни мужа. Пустота. Я ей уже все это изложила, она в слезы, тяжело, мол, только образование надумала получить, карьера, какая-никакая наметилась. Теперь весь уклад поменять придется, от многих привычек отказаться, а если он уйдет, то вообще вся жизнь перевернется. Ну и, конечно, любовь.

Любовь — это когда светло и радостно, а не когда аборт.

Мы теперь все умные, раньше говорили таинство зачатия. Таинство, а теперь? Теперь это у нас, у шибко умных, процесс оплодотворения. Раньше ребеночка вынашивали, душу живую, а теперь эмбриона таскаем. Вот и получается: таинство, душа, рождение.

Оплодотворение, эмбрион, аборт.

Завтра в Свято-Покровский монастырь пойдем, пусть Деве Марии в глаза посмотрит. Рожать надо.

Возвращался Виктор далеко за полночь.

На другом конце Города юный Ромео, послав

воздушный поцелуй своей любимой, нырнул в непривычно пустые переулки. Через несколько минут его веселое посвистывание прервал надрывный детский плач...

Никитин нащупав орущую трубу, пожелал звонящему всех благ, поднес к уху. «Ты не поверишь, что сегодня обнаружил наш знакомый дворник. У тела в кармане паспорт на 22 — а с виду не меньше 60. Как тебя хохмочка?» — Вовкин голос был полон плохо скрываемого азарта. Хранитель отложил телефон и закрыл глаза.

Вдох.

Сознание расширилось, слившись с пробуждающимся Городом.

Вдох.

Звуки.

Звуки?

Чувства.

Чувства?

Эманации сложнейшего организма стали ближе, доступней.

Вдох.

Черное пятно буквально резало глаза.

Глаза?

Там таилось зло.

Зло?

Вдох.

Мелькнула и погасла серебряная нить, ведущая к ничем не примечательному перекрестку. Нужно было идти.

Сухонькая рука тронула за плечо.

— Помоги, соколик, бабушке через дорогу перебраться. Умаялась бедная, сил никаких нет. Машины шастают и шастают. Дымять и дымять. А я тебе сказ поведаю, как кручину твою горькую развеять, как беду лихую одолеть.

Виконт думал, что такие бабушки бывают только в сказках. Лучистые голубые глаза с доброй хитринкой. Мягкая понимающая улыбка. Запах абсолютно неведомых горожанину трав.

— Без жонки тебе, милоч, не справиться. Одного мужского начала маловато будет. Вам бы, болезным, всех порубати, да к ногтю прижати. А не тот сейчас, мил человек, случай приключился. Ты как отыщешь то, что тебя тревожит, Берегиню зови. А ежели силой на силу пойдешь — не видать тебе солнышка ясного...

...Ее не было. Долго. Мир помрачнел, сузился. Темные тени колыхались по краям, приближаясь с каждым вдохом. Исчез центр всего. Ушла та, роднее, ближе которой не было никого. Было страшно. Было ненужно. Было одиноко.

Родная фигура вдруг возникла рядом, и мягкие руки подняли до небес...

Громкий женский ор выдернул из прошлого. Высокая холеная блондинка волала на сына. С покрасневшего лица скалился разинутый рот, над которым водрузились выпученные глаза.

Виктор глянул вниз и отшатнулся. Слезы унижения, бессильной злобы, казалось, разорвут мир на части. Стиснутые кулачки, сгорбленные плечи четырехлетнего бэбика заставляли дрожать землю.

— Ну не реви, дурашка, мать тебе зла не пожелает.

Виконт долго смотрел вслед удаляющейся паре.

Дети. Маленькие подобия взрослых или самостоятельные личности? Ангелы или демоны? Непосредственная жестокость или познание мира?

Маленький рот оскалился в злобной гримасе. «Дети кукурузы-10». Существо с бигборда явно ответило себе на все вопросы о детской сущности.

«А я еду, а я еду за туманом», — донеслось от группы в штормовках.

Стена дождя приблизилась, застучав по брезентовому пологу. «А! Это все фигня. У нас, слава богам, мир сумеречный, магия работает через пень колоду. Нежити почти нет». «Точно, у меня как раз есть одна история. Про тех, кого нет».

Зыбкое воспоминание бродило рядом, заглядывая через плечо. «С какой радости

посиделки на «Великом» всплыли? — Мысль вильнула хвостом и исчезла. — Ладно. По любому на район надо идти. Хватит тебе баловать, кто бы ты ни был».

Хранитель шел осторожно, ощупывая взглядом темные углы, думая о Ладе. «Что-то в тебе есть, красивая. Что-то, чего я пока понять не могу. Что-то...»

Он уже не удивлялся отсутствию людей. Но даже машины явно спешили убраться из этого гиблого места.

Плач.

Он никогда не думал, что обычный детский плач способен так напугать. Парня буквально подорвало. Страх возник рядом, нежно приобняв за плечи.

«Эй, чего это я? Ну ревет себе бэбик...

Ага. В полночь посреди абсолютно пустого района. Да уж, чего это я».

Виктор ускорил шаг. Смеялись рядом, но он в упор не видел источника веселья. Хоть убей! Затасканное выражение внезапно разонравилось.

Неразборчивое бормотание в двух шагах сорвало на бег. Думалось плохо. Было жутко. Злой смех не утихал.

Деревья стоически созерцали бегущего в полной тишине парня.

«Стоп. Я же слышу это не ушами. Это внутри. Что ж ты за тварь такая.

Стоп, говорю! Хватит бегать».

Хранитель остановился, вслушиваясь в торжествующий детский смех, закрыл глаза. Перед ним открылся океан эфира. Наконец он увидел преследователя.

Существо с рекламных плакатов нескончаемых кукурузных наследников выглядело невинным агнцем по сравнению с этим.

Бывают дни, когда умереть, кажется, легче, чем жить. Когда безнадежность, тщетность всех усилий заставляют отчаяться и черная волна депрессии накрывает с головой. Каждое слово раздражает, каждое действие бессмысленно. Хочется быть смертельно раненым зверем, круша все подряд. Ты тонешь в тоскливой пелене одиночества, даже универсальные средства оказываются бессильными.

Голодная пустота, заполненная злобой, стояла на расстоянии вытянутой руки. Тоскливое одиночество вытягивало жизнь.

Оно было вне моральных категорий. Оно не злорадствовало, не упивалось торжеством. Что делало его во сто крат страшнее.

Попытка контакта увязла в пелене непонимания, неясное шуршание, младенческое агуканье. Все. Виктор вспомнил.

Дождь шел вторые сутки. В козырной польской четырехместке, после закрытия сотни, травили страшные истории. Русалки сменялись лешими, брестские катакомбы полесской дорогой. Отливать бегали, нервно озираясь на темные шуршащие кусты. А потом был этот рассказ.

— Младенцы, убитые матерями, не умирают до конца. Они становятся детношами. Эфирными тенями носятся они по лесам, и горе путнику, застигнутому в одиночестве. Покуда есть силы идти — тебя не тронут. Но если устанешь, остановишься — крышка. Высосут досуха. Жизнь каплю за каплей. Бежал молодым — остановишься — упадешь стариком. И нет от них спасения...

Прикосновение было ледящим и обжигающим. Казалось, все прожитые годы навалились разом. Щемящая тоска отбирала последние силы. Жизнь убегала, как деньги во время Новогодних праздников. Виконт пошатнулся, опершись о дерево. В глубине сознания хохотал ребенок.

Взахлеб.

Искренно.

Непосредственно.

Познавая мир.

Блеснувшая в разрыве туч полная луна

участливо подмигнула улыбчивым ликом:
«Помираешь?»

«Ну, типа да».

«А зачем?»

Простота вопроса разрушила ступор. Поднявшаяся из глубины жаркая волна полыхнула яркими языками пламени, прочистив мозги.

Но детноша не брал даже огонь.

«Он в своем праве», — всплыло в голове.

Вновь потянуло свежей могилой.

«Ты ба, яка суця. Сожрет ведь курва».

Звать на помощь не хотелось. Но умирать не хотелось еще сильнее. Виктор решился.

«Берегиня, брат Митька таки помирает, ушицы не дождется. Выручай, красивая».

Он не знал, что последует за этим призывом. Время, утекавшее сквозь пальцы, заставляло надеяться на лучшее.

Легкий ветерок принес запахи весеннего леса и бабушкиного «Наполеона».

Субстанция застыла в недоумении. Ей это было внове. Туманная фигура, выдвинувшаяся справа, пахла дымом. И молоком.

Укоризненно глянув на проходящего в себя парня, она придвинулась к детношу.

Тот отшатнулся от такой неизвестной — такой желанной силы. На пустынные улочки опустилась Любовь.

Первый вздох и первая струйка материнского молока. Первый шаг и первое слово. Первая игрушка и первая радость. Первое знание и первая дружба. Первая победа и первый поцелуй. Первая и единственная Мать.

Хранитель физически ощущал, как что-то рвется в глубине этого озлобленного одинокого сгустка эфира.

Оно проживало жизнь. Жизнь полную любви.

Все, что держало его здесь: неоформленная ненависть, голод, одиночество, таяло под лучами той единственной силы, которая может все.

Миг. И Виктор понял, что остался один.

Собачий перебрех, кошачий мяв, хлопанье дверей, перебранка соседей казались неземной музыкой.

«На криминал-FM нашего района последние новости, — донеслось из едва ползущей машины, — найдена женщина, задушившая своего новорожденного сына несвежими колготками. Родив ребенка в недолгом перерыве между запоями, она решила, что его плач будет отвлекать от поисков очередной дозы... Между прочим, дорогие слушатели, любой из нас мог видеть ее...»

Отчаянный детский плач.

Сердце рухнуло в пятки.

«Ну не реви, солнце мое, — донеслось из-за

розовых штор, — мама рядом».

«Твою мать. Нельзя же так. Надо срочно попросить Вовку проверить сводки об убийстве новорожденных».

Мастер и Песня

Из дневников Березини

Промозглый осенний ветер сердито выдувал мокрые листья из-под ног медленно идущего мужчины.

Где-то промчался бешеный трамвай, город поглотил эти звуки, восстанавливая покой.

Ветер, ночь, шаги. Тихие, усталые шаги.

Бредущий по дороге человек пять минут назад закончил то, ради чего стоило жить — дописал Песню. Песню, которая удается лишь раз и действительно может все. Текст с комментариями ушел по сети в надежные руки. Только теперь Мастер ощутил Усталость, Опустошенность. Когда-то он поставил перед собой казавшиеся недостижимыми цели — Песня была последней из них. Мужчина хотел отдыха. Это было единственным, чего он действительно хотел.

Пора. Когда за спиной много повидавшего человека колосятся рощи посаженных им деревьев, а возле дома бегают сыновья сыновей, понимаешь

— можно отдохнуть. А заодно освободить место для мальчиков с горящими глазами.

Пора. Мастер свернул в подземный переход.

По уху вдруг диссонансом резанул неприятный и неуместный звук. Скрипела дверь метро. Они в принципе не обладают такой особенностью, а уж тем более в четыре часа ночи. Мужчина, машинально пнув феномен ногой, вошел внутрь.

Застывший эскалатор.

Сумрачная платформа.

Горящая на мертвом табло яркая точка.

«Поезда давно не было», — хмыкнул Мастер и тут же об этом пожалел. Его лица коснулся ветер из тоннеля. Сильнее. Сильнее. Человек отшатнулся от края платформы и замер, вцепившись взглядом в черный проем. Вслед за нарастающим грохотом из тоннеля вылетел поезд. Кабина. Пусто. Первый вагон.

— Сережа, а кем ты станешь, когда вырастешь?

— Тем, кто будет помогать людям.

— Врачом?

— Нет, Мастером.

Второй вагон.

— Ты неправильно делаешь это движение...

— Научи меня, я хочу знать...

Третий вагон.